

Детектив
ПОД ЗНАКОМ
Зодиака

ДИАНА КИРСАНОВА

СОЗВЕЗДИЕ
ОВНА,
или
Смерть
в сто карат

ЭКМО

Детектив под знаком Зодиака

Диана Кирсанова

**Созвездие Овна, или
Смерть в сто карат**

«ЭКСМО»

2009

Кирсанова Д.

Созвездие Овна, или Смерть в сто карат / Д. Кирсанова —
«Эксмо», 2009 — (Детектив под знаком Зодиака)

Журналистка Юлия воинственна и бесстрашна, как и большинство рожденных под знаком Овна. Но и она сникла под шквалом неприятностей, которые посулили ей в тот период астрологи. Сначала мрачный одноглазый незнакомец преследовал ее повсюду. Затем из городского морга пропало тело пожилой женщины. Юлия написала об этом статью, и вот тут-то и нахлынули неприятности, обещанные Овну! Правда, сама Леди Зодиак, составившая гороскоп, предложила журналистке свою помощь. И, похоже, придется ею воспользоваться: одноглазый преследователь найден убитым, и именно Юля оказывается главной подозреваемой...

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Диана Кирсанова

Созвездие Овна, или Смерть в сто карат

Пролог

1064 год н. э. Восточная Индия

...На миг перед его глазами промелькнуло ужасное видение – низкорослое мускулистое существо с головой быка, длинными седыми волосами и раззявленной пастью, которая стремится заглотить одинокого путника, стоящего на краю обрыва...

Джагаттунга дико закричал и, упав ничком в заросли густой травы, стал отползать от края пропасти, пятясь и царапая руки и лицо об острые листья гошкура.

Сзади захрипели и взбрыкнули впряженные в легкую повозку мулы; где-то рядом, почти над ухом, раздался истошный, почти человеческий крик грифа – и постепенно затих в верхних джунглях, сменившись хлопаньем сильных крыльев и шелестом лиан.

Где-то там, совсем далеко, крик подхватили обезьяны, и их истерические взвизгивания долго еще отражались эхом в верхних и нижних джунглях.

И снова стало тихо... Еле ощутимый ветерок колыхал листья мхитту – «царя джунглей», исполинского дерева, ветви которого крепко сплетались друг с другом, а касаясь земли, пускали новые корни – так, что среди его побегов мог запутаться и заблудиться не один пеший путник. Отправляясь в свое первое торговое путешествие, молодой купец Джагаттунга нарочно свернул с наезженной тропы, чтобы поклониться мхитту и попросить у него удачи.

Оставил мулов у края дороги, сделал несколько шагов к моельному дереву и пал ниц, припадая губами к кряжистым его шероховатым корням, робким голосом испросил удачи в делах и благополучия в торговле. Поднялся, заново обернул вокруг ног и бедер *дхоти*¹, приготавливаясь к дальней дороге. И, натянув поглубже на бритую голову тюрбан, совсем было собрался вернуться к мулам и повозке, на которой лежали аккуратно разложенные товары, – и не удержался. Воровато оглянувшись, прошмыгнул к зиявшему в нескольких шагах обрыву и сделал то, чего делать было непозволительно – наклонился над краем ущелья Адамас, где, как известно, обитает бог смерти Яма!

Забыл, забыл молодой купец Джагаттунга, единственный сын престарелых родителей, что за непрошенный визит к месту, где открываются врата в царство мертвых – царство Яма, – любопытный может поплатиться жизнью!

Ибо там, из черной глубины ущелья с острыми краями выступавших камней, редко поросшей бледно-желтой травой, проклюнувшейся на каменистой почве после только что окончившегося сезона дождей, вдруг началось какое-то шевеление.

Словно закипело что-то, брошенное на дно огромного котла, – это, конечно, сам Яма спешил выйти на поверхность земли, чтобы покарать любопытного Джагаттунгу! Страшный бог смерти – низкорослое мускулистое существо с головой быка, длинными седыми волосами и раззявленной пастью, которая стремится заглотить одинокого путника, стоящего на краю обрыва!²

¹ *Дхоти* – большой кусок несшитой материи, обмотанный вокруг ног и бедер, элемент национальной мужской индийской одежды.

² Индийская легенда о боге смерти Яме повествует об отшельнике, который провел пятьдесят лет в пещере у подножия ущелья Адамас в медитации для достижения нирваны. Когда ему осталось медитировать лишь один час до цели, в его пещеру вломились разбойники, неся с собой украденную тушу быка. Они решили убить аскета, чтобы он их не выдал, и, хотя тот умолял пощадить его, ибо ему остался лишь один час до ухода в нирвану, они отрубили ему голову. Тотчас он принял облик гневного божества, приставил бычью голову к своей шее, разорвал разбойников на части, выпил их кровь и, будучи не в силах

С выпученными глазами, открытым ртом, трясущимся от ужаса подбородком наблюдал купец, как со дна ущелья показались волосы Ямы – отвратительные, толстые, шевелящиеся космы, похожие на жирных змей, которые особенно страшны своими ядовитыми укусами сейчас, после сезона дождей!

И закричал Джагаттунга, и упал ничком в густые заросли, и стал отползать от края ущелья, пятясь и царапая руки и лицо об острые листья гошкура. Захрипели и взбрыкнули мулы; где-то рядом, почти над ухом, раздался истошный, почти человеческий крик грифа – и постепенно затих в верхних джунглях, сменившись хлопаньем сильных крыльев и шелестом лиан...

* * *

...Сколько времени пролежал так купец, уткнувшись лицом в землю и слабо царапая пальцами жирную, хорошо пропитанную влагой почву обрыва? Он не знал и сам.

Но с минуты на минуту ожидая удара дубинкой, сделанной из человеческого скелета, которой, как известно, бог смерти Яма наносит своим жертвам последние удары, и прикосновения к шее веревочной петли, которой он выдергивает из человека душу, парализованный страхом Джагаттунга до самого вечера пролежал на краю ущелья в каком-то полубоморочном состоянии.

И только когда богиня Луна Будха распустила на небе золотистые косы, обронив несколько сверкающих в сумраке волосков на верхушки сандаловых деревьев, окружавших ущелье, молодой купец решил поднять голову.

Еще после часа пугливых колебаний, смешанных с боязливым любопытством (не умерло оно все-таки!), он решил вновь подкрасться к ущелью и заглянуть в него, твердо зная: если бог Яма еще там и, оскалив буйволиную голову, поманит Джагаттунгу к себе, то спасения на этот раз действительно не будет.

...Странно, но именно сейчас, при лунном свете, Джагаттунга сумел отчетливо рассмотреть, что на дне ущелья Адамас копошится не грозный Бог смерти, а клубок настоящих змей.

– Кобры! – содрогаясь от сладостного ужаса и восторга, пробормотал Джагаттунга.

Да, это были они. Их извивающиеся тела с прижатыми к бокам капюшонами тускло светились в лунном свете. Змей было очень много, сотни, тысячи, много тысяч – наверное, сам Яма вытряхнул их из своего гигантского мешка, чтобы отбить у любопытных всякое желание спускаться вниз!

Время от времени несколько кобр поднимали вверх злоеющие головки и распускали капюшоны, раскачиваясь на хвостах и глядя на Джагаттунгу желтыми глазами убийц. Тихое угрожающее шипение несло вверх из ущелья.

И все же душа Джагаттунги пела от счастья и возносила хвалу всем богам! Каждый индеец знает, что встретить кобру, если она находится на безопасном от тебя расстоянии, – к удаче и радости. Молельное дерево слышало просьбы купца, его ждет неслыханное богатство!

И словно в ответ на эту его радость и возносимые богам хвалы, луна выше встала в небе и выпустила в ущелье щедрый серебряный сноп света. И вновь крик вырвался из груди Джагаттунги – но на этот раз это был крик счастья! Ибо там, на дне обрыва, подхваченный лунным светом вдруг вспыхнул и засверкал волшебным сиянием прекрасный, как сама луна, и большой, как голова ребенка, камень!

– Ваджра!³ Ваджра! – закричал Джагаттунга, чувствуя, что ноги его снова немеют – на этот раз от восторга!

унять свою ярость, принялся уничтожать людей, которые попадались ему на пути.

³ *Ваджра* – алмаз.

Даже на расстоянии нескольких метров он сумел разглядеть, что боги преподнесли ему великолепный камень! За этот алмаз любой мандалин – так называли в Индии знатоков драгоценных камней – даст Джагаттунге столько, сколько ни ему самому, ни его отцу, престарелому Ахмету, не приносила еще ни одна торговая операция.

Оставалось достать камень из ущелья – но как это сделать, если внизу кишат ядовитые змеи? Побегать за помощью в соседнюю деревню? Но до нее было полдня пути, а на землю спускалась ночь, а в этой тьме путешествовать по джунглям вдвойне небезопасно. И кроме того, с помощниками придется делиться – пусть даже они окажутся из самой низшей касты, все равно! Рисковать собственной жизнью, спускаясь в змеиное логово на веревке, которую он мог бы сплести из лиан, Джагаттунга тоже не собирался.

И тогда ему на память пришел способ, о котором говорил еще дед, девяностолетний старик Инжа.

– В старые времена, – рассказывал он, – обнаружив на дне ущелья блеск прекрасного камня, вожди племени возносили богам благодарность за посылаемый дар, а потом с помощью соплеменников скидывали вниз, прямо на камень, большой кусок жирной баранины. Ваджра не всегда дается в руки человека, но всегда прилипает к жиру жертвенного животного... После этого людям оставалось только ждать, когда парящий в небе орел заметит мясо на дне ущелья. Орел вознесет кусок с камнем на гору и начнет клевать мясо. После этого люди деревни спешили вверх за своей добычей...

Джагаттунга не слишком долго предавался этим воспоминаниям. Бегом, не обращая внимания на то, что ключья одежды остаются на колючих ветках кустов и лианах, бросился он к своей повозке, где под уложенными товарами мать положила сыну в дорогу хороший кусок мяса, для сохранности от мух и жары обмазанный сверху толстым слоем курдючного сала...

* * *

...Так, почти тысячу лет тому назад, в 1064 году, был поднят на поверхность со дна ущелья Адамас будущий легендарный бриллиант «Санси», алмаз весом в 110 карат, который, согласно летописи того времени, купец Джагаттунга обменял в ближайшем городке на двух слонов, двенадцать верблюдов и восемьдесят золотых монет. После чего камень очень долго хранился у султанов Центральной Индии, последним его владельцем из этой династии был султан Кут-Уд-Дин, у которого этот кристалл вместе с другими драгоценностями и частью казны в одну кровавую ночь был украден ближайшим другом и визирем, перепродавшим его иноземным торговцам. И только в 1325 году бриллиант «Санси» вернулся обратно в Индию и был продан султану Мухаммеду, который вставил его в серебряную подкову и носил при себе как талисман, передавая его по наследству следующие 150 лет.

А дальше?

* * *

Чер-рт! Этот тип опять здесь!

Я в сердцах стукнула кулаком по оконной раме и сквозь зубы произнесла несколько таких слов, какие, как принято выражаться в интеллигентных кругах, «ваша мама ни за что бы не одобрила». За моей спиной кто-то восхищенно присвистнул. Резко обернувшись, я наткнулась взглядом на ухмыляющуюся во весь рот физиономию.

– Генка, ты бы побрился, что ли, – недовольно сказала я. – Все было бы занятие. Лучше, чем за порядочными девушками подсматривать!

– Порядочные девушки так не выражаются. – Волынкин бесцеремонно вытянул из моей пачки последнюю сигарету и, со вкусом затянувшись, уселся на подоконник. – Порядочные

девушки дома за вышиванием сидят, в грязные редакционные окна посторонних мужчин не разглядывают.

Я дернула плечом:

– Нет, ну ты скажи, за что мне такое счастье в начале недели? Сначала утром по радио мне пообещали крупные неприятности, потом главный разнос устроил, а тут еще этот тип привязался! Генка, он третий день за мной как приклеенный ходит! Провожает от дома до редакции и обратно. И днем дежурит. Сидит вон на лавочке и газету читает. Я выйду – он за мной. И в троллейбусе в затылок дышит. Псих, что ли?

– Скорее, маньяк, – Волынкин сделал страшные глаза. – Или уж-ж-жасный упырь, отбившийся от стаи разнuzданных вурдалаков. Хочет отнять у тебя душу, веру в прекрасное и твой знаменитый клетчатый зонтик.

– Иди ты к черту, – проворчала я, сосредоточенно засовывая за батарею недокуренный «бычок». – С тобой как с человеком...

Генка зевнул и спрыгнул с подоконника.

– Ладно, он – заколдованный принц, которого ты допекла своей загадочностью и неземною красотой, – сказал он равнодушно.

Коллега с хрустом потянулся и почесал через свитер свой огромный пивной живот, служивший предметом насмешек и ехидных карикатур не у одного поколения корреспондентов «Стойки».

– А что, – спросил он со вновь проснувшимся интересом, – начинающим корреспонденткам стали обещать крупные неприятности прямо по радио? До чего техника дошла!

– Да-а, – злобно махнула я рукой, – включила утром какую-то волну, пока яичница жарилась – и на тебе... Выступает какая-то стерва, знаешь, из этих, что выдают себя за больших специалистов по гороскопам и всякой прочей ереси...

– Ты что, ее видела?

– Необязательно мне видеть бабу, чтобы понять, что она – стерва... По голосу чувствуется! Такой с хрипотцой голос, в расчете на сексуальность... Так вот, Овнам – а я Овен...

– Ты веришь в гороскопы?

– Ни на йоту не верю, я что – дур-ра?! Ты меня еще про филиппинскую медицину спроси или про вуду! Но эта стерва предсказала Овнам, а я, как ты знаешь, Овен... предсказала крупные неприятности, связанные с риском для жизни. Потому что на этой неделе мы, Овны, видите ли, возьмемся за осуществление некоей весьма рискованной затеи!

– Так ты же не веришь!

– Ну и что?

– А раз не веришь, так чего тогда психуешь-то?

Я развернулась и хотела было впечатать еще несколько ругательств, на этот раз прямо в твердый Генкин лоб – но спортивный корреспондент Волынкин уже шел по коридору, вяло переставляя вслед своему брюшку коротенькие ножки в весьма потертых на одном месте штанах. Никто, решительно никто не пытался разделить со мной хотя бы малую толику несчастий, свалившихся на мою голову непосредственно вслед за тем, как сегодня утром стерва из радиоприемника пообещала мне, что я вот-вот открою ящик Пандоры, в котором, как известно, веками хранятся аккуратно разобранные по категориям горести и несчастья всего человечества.

* * *

...Итак, я – а зовут меня Юлия Воробейчикова – стояла у окна редакционной курилки газеты «С тобой», в которой трудилась на ниве криминального репортерства, и раздумывала о том, за что на меня так обозлилась судьбина.

Во-первых (это не считая уже перечисленного), на мне опять перестали сходиться юбки и джинсы – собираясь сегодня на работу, я напрасно провертелась у зеркала, втягивая живот и задерживая дыхание почти до посинения: молния на моих любимых «Левайсах» упорно не сходилась. Уже четвертый раз за год.

Во всем были виноваты минувшие выходные, прошедшие под знаком бесцельного валяния на диване с книжкой в руках, калорийных ужинов у телевизора и шоколадки на ночь. Да и вообще, я никогда не могла похвастаться не то чтобы идеальной, а хотя бы просто стройной фигурой. Нет, у меня прекрасные тонкие ноги, осиная талия и впалый живот – только все это тщательно скрыто под десятисантиметровым слоем жира, отчего настроение портится каждый раз, как только я встаю у зеркала. Зеркало я ненавижу-ж-жу!

Во-вторых, эти выходные я провела так бездарно потому, что мой старинный друг и поклонник Антон бросил меня на произвол судьбы. В нем проснулась и заколбасилась новая страсть: он решил воспитать в себе характер и стать «настоящим мачо» – и в поисках средств для достижения этой цели он стал пропадать в спортзале и бассейне, где, по его собственным уверениям, собиралась «чисто мужская компания». Пусть так, но никто меня не убедит, что в таких компаниях говорят не о бабах, а о чем-нибудь другом! А кроме того, на мой телефон стали поступать некие таинственные звоночки... Но об этом чуть позже.

Ну и в-третьих, вот уже который день вокруг меня витало Лихо Одноглазое – его олицетворял собою некий загадочный тип, повадившийся ходить за мной по пятам с утра до вечера без перерывов на обед и личную жизнь. Это было невыносимо!

Впервые я заметила его широкополую шляпу на троллейбусной остановке, когда, нырнув под гофрированный козырек и отряхнувшись, рассеянно повела взглядом поверх голов толпившихся рядом таких же, как и я, жертв неудачного расписания общественного транспорта. Шляпа этого одноглазого сразу бросилась мне в глаза – собственно, то, что он одноглазый, я увидела позже, а сначала хохотнула про себя над стоявшим ко мне спиной чудачком в большой шляпе, с полями которой тонкими и, надо думать, холодными струйками стекала октябрьская вода – я забыла сказать, что день был дождливый.

Помимо шляпы на нем было черное пальто, размера на два больше необходимого: полы почти касались асфальта, а кончики пальцев совсем скрывались в широких раструбах рукавов. Впрочем, когда он поднял руку, чтобы снять наконец шляпу и вылить из нее накопившуюся между тульей и полями лужицу, я заметила еще и вязаную перчатку. Этой же рукой в перчатке мое будущее наваждение откинуло со лба длинные седоватые пряди, вновь надело шляпу (я поежилась, представив, как неприятно натягивать на голову промокший фетр), неторопливо повернулось ко мне лицом и спокойно и пристально глянуло прямо мне в глаза.

У него был один-единственный глаз, и этим глазом он смотрел на меня в упор.

И это было не очень-то славно: ощущать, что твою ни в чем не виновную личность буравит, как коловоротом, какой-то совершенно тебе незнакомый одноглазый господин. Я потопталась немного, отвернулась, делая вид, что меня страшно интересует ассортимент обшарпанных киосков, выстроившихся напротив остановки, затем вновь осторожно покосилась в сторону одноглазого в шляпе.

Все так же засунув руки в карманы и слегка приподняв плечи, от чего шляпа, подпираемая сзади поднятым воротником, съехала ему на лоб, он продолжал сверлить во мне визуальную дыру. Я перешла на другую сторону остановки – результат остался прежним. Спряталась за широкую спину одышливого мужчины с двумя битком набитыми хозяйственными сумками, постояла немного, выглянула – циклоп все так же, не мигая, фиксировал каждое мое движение.

«Спокойно! Это городской сумасшедший, не обращай внимания!» – сказала я себе. Но тревога продолжала грызть мой позвоночник. Особенно когда я убедилась, что пират не просто положил на меня глаз на остановке – он вообще следил за мной, абсолютно не таясь и не пытаясь даже ради приличия замаскировать свое намерение идти след в след – сначала в троллей-

бус, потом по маршруту от моей высадки до редакции. А самое странное, и от этого – страшное, что когда семь-восемь часов спустя я вышла из стеклянных дверей «Стобойки», то вновь заметила ту же самую темную фигуру в шляпе, которая неторопливо поднялась с лавочки мне навстречу и, пропустив меня вперед, пошаркала следом на расстоянии нескольких шагов.

Раздражение на эту непонятную ситуацию пульсировало во мне так, что совсем скоро переросло в нервную дрожь. Я зажмурилась, набрала в грудь воздуха, резко развернулась на каблуках и грубо спросила у одноглазого севшим от страха голосом:

– Ну? Чего вам надо?

Тип спокойно смотрел на меня, не отводя взгляда, и неторопливо пожевывал блеклыми губами. Теперь, когда я видела его так близко, можно было сказать, что ему лет пятьдесят – пятьдесят пять, что у него правильное, пожалуй, где-то породистое лицо – этого впечатления не отнимала даже жуткая рвано-розовая канавка старого шрама, взбороздившая часть лба, пустую глазницу левого глаза, часть носа и захватившая правый уголок рта. От этого и без того страшное лицо приобретало к тому же и брюзгливое выражение. Стоило мне разглядеть этого типа как следует, как тревога моя сменилась паническим трепетом.

А главное, он молчал! Когда я, почувствовав предательскую дрожь в коленях, совсем уже сильным голосом повторила свой вопрос и, затравленно бросив взгляд в сторону пустой улицы, приготовилась было по-заячьи запетлять по вечернему бульвару, незнакомец только еще глубже засунул руки в карманы и продолжил смотреть мне прямо в лицо своим единственным, почти неподвижным глазом с точкой зрачка в выцветшем сером круге радужной оболочки. Он был абсолютно спокоен.

На всякий случай я сдернула с плеча и накрутила на запястье ремень своей большой сумки: оружие, конечно, ненадежное, но хоть какое-то средство обороны. Убыстрила шаг – незнакомец не отставал и словно даже и не чувствовал неудобства от того, что его заставили прибавить скорость.

Так он проводил меня до самого подъезда и даже еще некоторое время постоял под козырьком – единственный фонарь хорошо освещал темную фигуру в огромном, не по размеру пальто, с обвисшими к концу дня полями черной шляпы. Спрятавшись за занавеской кухонного окна, я отчетливо различала и самого незнакомца, и его бледное лицо, поднятое к окнам нашей квартиры. Дождь, выродившийся к вечеру в вяло морозящие капли, разогнал всех кумушек нашего двора по диванам, к телевизорам, иначе одноглазый непременно попал бы в зону прострела их любопытства; теперь же колоритный тип остался никем, кроме меня, не замеченным. Так он простоял несколько минут и, засунув руки в карманы, отправился-таки восвояси.

* * *

«Ну привязался, ну дурак, ну спутал он меня с кем-то», – уговаривала я себя, стоя с бьющимся сердцем посреди коридора своей квартиры, не раздеваясь. Всматриваясь в свои блескостившие лихорадочным блеском глаза и пухлые щеки, к которым прилипли неровные пряди рыжих волос, я хотела было произнести вслух и погромче еще что-нибудь столь же успокаивающее, но тут меня весьма невежливо и громко перебил телефонный звонок. Поморщившись, я сдернула трубку.

– Але!

– Юлия Андреевна? Извините, что вынуждена снова вас беспокоить...

Телефонная трубка дрогнула в моей руке – я почувствовала, как паркет в буквальном смысле уползает из-под ног, в глазах потемнело... Я узнала этот голос.

– ...но я все по тому же вопросу, Юлия Андреевна.

Приятный низкий голос замолчал, намеренно интригуя меня долгой паузой.

– Да, – слабо сказала я в трубку и закусила губу, чтобы не расплакаться. По-хорошему, мне следовало бы просто швырнуть трубку обратно на рычаг, а еще лучше – выдернуть телефонный шнур из розетки, вот она, прямо у телефона, совсем рядом, не надо даже тянуться... Но вместо этого я с какой-то мазохистской обреченностью вслушивалась в спокойное дыхание моей собеседницы, хотя все, что она могла и хотела мне сказать, я уже знала наизусть.

– Юлия Андреевна, вы были ТАМ?

– Да, – повторила я.

– Видели?

– Да...

В трубке снова помолчали.

– Юленька, милая... – с каждым словом голос становился все вкрадчивее, он вползал змеей в мое сердце и жалил, жалил, жалил, – милая, ну зачем вы так держитесь за него? Он уже не любит вас, милая моя, отпустите его, освободите, оставьте... Будьте мужественной, дорогая, не надо так цепляться за мужчину. Он будет несчастлив с вами, он любит другую...

Я перестала вслушиваться – перед глазами уже все плыло, нос разбухал от слез. Голос в трубке продолжал журчать, вызывая во мне нервную дрожь. Я осторожно положила трубку рядом с аппаратом и прижалась лбом к холодной стене: ситуация была банальная, примитивная, как раз из тех, что встречаются в плохих дамских романах и кинофильмах про супружеские измены, но вот поди ж ты, я опять, что называется, «повелась». Больше всего хотелось зареветь в голос и начать швырять о стену бьющиеся предметы, но сдерживало сознание того, что за этой стеной проживают очень скандальные и чуткие на громкие звуки пожилые соседи.

Медленно стягивая все у того же зеркала куртку и намокшую от дождя шапочку с помпоном, я безуспешно пыталась отогнать воспоминания о том, что происходило со мной в последние недели. Но эти воспоминания резвились передо мной в воздухе. Резвились и издевались...

...Я никогда не думала, что он может мне изменить. Никогда, никогда я не думала, что он может изменить мне.

Не потому, что я была роковой красавицей с «многометровыми» ногами и телом, до хруста поджаренным с обеих сторон в дорогом солярии, или, допустим, богатой невестой на выданье. Напротив, моя внешность, с которой я бок о бок живу вот уж целых двадцать лет, всегда вызывала во мне стойкое отвращение. Любящие меня люди характеризуют Юлию Воробейчикову как «пухленькую златовласую милашку», но если перевести эту деликатную характеристику в более беспристрастную плоскость – получится «толстая рыжая дура».

Ну ладно, ну пусть не дура, все-таки у меня высшее образование. Но то, что я ношу сорок восьмой размер одежды (хотя и это дается мне с кровью – а именно большой крови стоит отказ от жареной картошечки с селедочкой, дышащих паром пельменей с растаявшей горкой масла сверху, старого доброго бифштекса с сыром и мороженого с большой порцией взбитых сливок!), косолаплю при ходьбе и всю жизнь терплю насмешки над своей шевелюрой, которая никогда не признавала расчески и мудрых парикмахерских рук – это, увы, беспощадная объективная реальность. Точно так же, как и моя курносость, веснушки, толстые щеки и вообще... В зеркало смотреться не хочется.

Теперь понятно, что мне никогда не приходилось перешагивать через штабеля обессиленных от любви ко мне поклонников. Хотя, не скрою, иногда об этом сильно мечталось.

Но один поклонник все-таки у меня был.

С Антошкой Торочкиным мы начали дружить еще с детского сада, а поскольку его семья жила в квартире, расположенной аккурат под нашей, то наша младенческая привязанность вскоре переросла в детскую дружбу. Ну а потом... потом мы обнаружили, что нам с другом очень вкусно целоваться.

Надо заметить, что мой Тошка до недавнего времени тоже не был записным красавцем. Своим истомившимся от полового созревания одноклассникам он во сне никогда не являлся.

Худой, длинноногий, какой-то взъерошенный молодой человек в огромных роговых очках и «хипповых» джинсах, более походивших на выцветшую тряпочку, – таким он представлялся передо мною из года в год...

Но с некоторых пор, заразившись честолюбивой идеей здорового образа жизни, Антон записался в спортзал, укротил свои патлы, нацепил модные, интеллигентные такие очки, купил себе умопомрачительный одеколон от «Армани» – и в итоге непрезентабельный парнишка вдруг превратился в интересного молодого человека, при виде которого пухлогрудые старые девы начинают шумно дышать, а пятнадцатилетние прыщавые дурочки – собираться стайками и хихикать.

Все это льстило как его, так и моему самолюбию, потому что как-никак наш двор он пересекал под руку именно со мной. Но, как видно, возрадовалась я зря.

Потому что мой старинный приятель детства, друг семьи и без пяти минут официальный жених вдруг стал прятать глаза, неловко придумывать предлоги, чтобы исчезнуть незнамо куда, и все реже и реже захаживал к нам в гости.

Я терпела все это, мысленно репетируя, составляя обличительный монолог, чтобы бросить его в лицо неверному возлюбленному, как только он снизойдет до разговора со мной – бросить и захлопнуть перед ним дверь! – но меня опередили. Однажды в моем доме зазвонил телефон и мягкий, даже ласковый женский голос предложил мне...

– ...убедиться в том, что у Антона появилась настоящая любовь, рядом с которой ваша симпатия смотрится просто детской забавой. Я знаю, вы не поверите мне, но попробуйте прийти сегодня вечером в кафе «Лукоморье» на Весенней. Вы убедитесь сами, уверитесь – и отпустите Антона, если любите его по-настоящему.

Конечно, я сходила в это «Лукоморье». Спрятавшись за аквариумом, где безмятежно плавали пока еще живые зеркальные карпы, быстро вычислила нужный мне столик. В новом пушистом свитере, которого я на нем еще не видела, и моднющих узких джинсах Антон сидел напротив незнакомой мне девицы в роскошном брючном костюме. И, накрыв своей рукой ее ладонь, нашептывал в отягощенное крупной серьгой ухо что-то такое, от чего напояженный рот моей соперницы растягивался в загадочной улыбке.

Всего в этой девице было «слишком»: слишком длинные и слишком светлые волосы, ноги такой длины, что они больше походили на роскошь, чем на средство передвижения, грудь, за ношение которой следовало бы арестовывать, как за распространение порнографии, и ногти, каковыми вполне можно было вывинчивать из стен шурупы. Я всего лишь женщина, но не признать эту фурию именно той самой, в чистом виде роковой красавицей значило бы покривить душой, а душа моя при виде этого зрелища и без того уже скукожилась, вздохнула и заболела...

В глубине души я подозревала, что столь резкая перемена отношения Антона ко мне была вызвана еще и тем, что дела его с некоторых пор пошли в гору. Всего год назад он числился простым работником автосервиса, и я, являясь к нему на свидания с яркой корочкой журналистского удостоверения в кармане, отчасти чувствовала свое превосходство – «мы, работники умственного труда...». Но с недавних пор ситуация изменилась. Во-первых, Антону удалось выкупить пай в своем автопредприятии, и из простого чумазого работяги с разводным ключом в нагрудном кармане он превратился в того, кого так уважительно именовали «босс». А во-вторых, и это главное, вечному изобретателю Тошке удалось запатентовать две-три свои особенно удачные придумки: с тех пор он обзавелся некоторым количеством свободного времени и таким же числом вакантных денег – а раньше, подумалось мне с тоской, он не имел возможности таскать за собой по роскошным кабакам пышноволосях крокодилиц с шикарными титьками!

Вспомнив об этой девахе, я треснула лбом о холодную стену. Так одиноко мне еще не было никогда!

Вот почему, снова услышав в телефонной трубке все тот же нарочито доброжелательный голос, я окончательно утратила душевное равновесие. И, в последний раз вспомнив о скандальных пожилых соседях, не любящих шума, схватила тяжелую хрустальную пепельницу, стоявшую прямо на телефонном столике, и что есть духу швырнула ее в собственное отражение...

* * *

Спала я отвратительно. Мне снились разрезные румяные бока окороков и сочные ломти буженины с выступившей на бочку нежной пахучей слезой; издающие головокружительный запах перламутровые тушки копченой рыбы с запекшейся от дыма корочкой; над ухом хрустели и рассыпались крошками по моей подушке песочные торты и пирожные с кремом... Пирог-пышки и куриные окорочка в готовом виде готовы были лететь косяком на голос – но ведь я худела. Во всяком случае, я надеялась, что приносимая мною жертва хоть чего-нибудь да стоила.

На работу снова пришлось идти без всякого настроения. Желудок, где звучно переливался только теплый несладкий чай (шпинат у меня так и «не пошел»), протестовал и выражал свое недовольство судорогами, особенно когда я с аскетическим мужеством проходила мимо ларьков с хот-догами и «крошкой-картошкой» – кто бы мог подумать, что настанет день, когда сосиска в тесте станет пределом моих мечтаний?

– Знавал я одного человека. Бросил он пить, курить, сел на диету... Целых две недели продержался, – заметил в обеденный перерыв Генка Волынкин, кротко наблюдая, как в нашей редакционной столовке я с отвращением вливаю в себя жидкий чай без сахара и вяло ковыряюсь вилкой в тарелке с какой-то вареной травой.

– Две недели? И что, потерял он сколько-нибудь? – спросила я, невольно подмечая, как Генка неторопливо намазывает на свою пухлую булочку толстый слой масла, а поверх выстраивает пирамиду из блестящего малинового джема.

– Да. Потерял. Ровно четырнадцать дней, – торжественно провозгласил наш спортивный корреспондент и, прижмурившись, вонзил хищно оскаленные зубы в это произведение искусства.

Я вздохнула и склонилась над своей чашкой.

Да к тому же – и это было самое главное! – вчерашний тип снова ждал меня у подъезда. Все так же неторопливо он поднялся, завидев мое приближение, и, засунув руки в карманы, уставился на меня во весь глаз!

Сначала я попятилась от неожиданности, но затем, собрав волю в кулак (а в глубине души – все так же труся), с независимым видом пронесла мимо циклопа свою рыжую голову и почти бегом припустила к остановке.

Незнакомец отставал от меня метров на пять, не больше...

Повторилось то же самое и на следующее утро.

...Все это одним заархивированным воспоминанием пронеслось в моей голове, когда на третий день этих непонятных преследований Генка Волынкин бросил меня одну в редакционной курилке, и я уже в одиночестве – в который раз – разглядывала сквозь немытое оконное стекло моего конвоира. Сейчас он сидел на скамейке у входа и почитывал себе газетку – купленную, видимо, в киоске напротив. Сверху лица Одноглазого мне не было видно, но длинные седые пряди, падавшие на плечи черного драпа, и окончательно повисшие шляпные поля вырисовывались отчетливо даже через это мутноватое стекло – и лишали меня равновесия.

...А потом его убили.

* * *

– Повезло тебе, старушка! – с элементом здорового профессионального цинизма прошептал мне Генка Волюнкин, подтягивая свои мешковатые штаны и осторожненько выглядывая из-за плеча главного редактора.

– Повезло? Почему повезло? – спросила я машинально.

Я тоже смотрела в ту же сторону, что и остальные.

Мы все, то есть почти полный состав работников молодежного еженедельника «С тобой», толпились возле той самой скамейки у входа в нашу редакцию. И смотрели на седовласую фигуру моего таинственного преследователя: все в тех же пальто и шляпе, он сидел на этой скамейке, откинувшись на деревянную спинку, и безучастно смотрел в небо.

Ветер скучно шуршал страницами лежавшей на коленях у Одноглазого газеты; большая рука в вязаной перчатке еще прижимала ее сверху, не давая улететь вместе с ветром, но вообще-то газета Одноглазому была уже не нужна: из его груди торчала деревянная рукоятка. Нож то был или заточка, разобрать было невозможно, но зато совершенно уверенно констатировалось: этот человек никогда уже не будет преследовать безо всякого повода беззащитных корреспондентов. Он был безусловно, кардинально и безоговорочно мертв.

Странно, но я не испытала от этой мысли никакого облегчения.

– Почему мне повезло? – снова спросила я у Генки, не поворачивая головы и лишь краем глазом наблюдая, как, визжа сиреной, из-за угла вырывается канареечный милицейский «уазик».

Честно говоря, меня совсем не интересовали очередные вздорные умозаключения нашего выпивохи. Но хотелось отвлечься, ибо в голове уже лихорадочно сталкивались разные мысли: почему убили? кто убил? И надо ли говорить милиции, что этот тип сидел тут, чтобы в конце рабочего дня продолжить слежение за ни в чем не повинной мною?

– Так почему мне повезло?..

– Ну, не скромничай... Убийство, случившееся почти что на пороге редакции! Трупец, доставленный прямиком к рабочему столу! Тебе даже ходить никуда не надо, искать тему, выпытывать обстоятельства... Просто подарок для криминального корреспондента!

Я подумала, что бы такое на это ответить, но в голову пришло только все то же неостроумное:

– Поди ты к черту...

Из милицейской машины горохом высыпались несколько серьезных мужчин в гражданской одежде и в два счета разогнали нас по рабочим местам. Вдосталь наглазевшийся на убитого народ расходился охотно: верхнюю одежду накинуть никто не успел, а день стоял настоящий октябрьский, с резкими ветряными порывами, которые щедрыми горстями бросали вам прямо в лицо пыль и труху листопада. Полновесные холода еще не наступили, но и эта промозглая прохлада пробирала до костей.

Словом, «стобойцы» скрывались за стеклянными редакционными дверьми без особого сопротивления. Я тоже развернулась было вслед за коллегами, но тут в рукав моего свитера хваткой молодого бульдога вцепилась ведущая светской рубрики Люська Овечкина.

– Не уходи! – прошептала она жарко. – Сейчас... меня арестуют!

– Чего ради? – хмуро спросила я и попыталась выдернуть руку: бесполезно.

– Ну как же, ну вот из подозрения, ведь это я нашла труп!!!

В Люськином голосе уже булькали слезы. По опыту я знала: вот-вот они польются из коллеги неиссякаемым Бахчисарайским фонтаном. Слезы у экзальтированной Овечкиной всегда плескались наготове, где-то у самого горла – иногда мерещилось, что достаточно просто

ткнуть глупую Люську пальцем в живот, как резиновую грушу, чтобы из нее брызнула тугая соленая струйка.

Сейчас специалистка по светской жизни тряслась от страха, не делая тем не менее попыток удариться в бег. Она стояла у скамейки с трупом и мужественно ожидала, когда же ее закуют в кандалы и угонят по этапу в холодную Сибирь.

Опера убойного отдела, выпрыгнувшие из милицейского «воронка», однако, не торопились доставать для Люськи цепи с колодками. Они вообще пока не обращали на нас внимания, фотографируя труп, обмениваясь ворчливыми репликами и исследуя местность вокруг скамейки с дотошностью опытных ищек.

– Люська, пошли отсюда, надо будет – они нас сами найдут!

– Сейчас...

Но было поздно. К месту происшествия уже подкатывали две другие машины. В одной сразу же узнавалась «Скорая помощь», а из другой сперва показались крепкие, похожие на две бетонные сваи ноги в синих форменных брюках, а затем эти ноги вынесли на себе такое же крепкое тело, которое венчала большая бульдожья голова с водянистыми, вечно воспаленными до красноты глазами и толстым картошечным носом.

Как выяснилось очень скоро, это был следователь прокуратуры Алексей Федорович Бугаец. Он приближался ко мне, как статуя Командора, – и казалось, что земля дрожит под его огромными (не меньше 45-го размера) ногами в твердых ботинках из кожзаменителя.

Наступали тяжелые времена...

* * *

Алексей Бугаец сразу же приступил к допросу свидетелей.

Я попыталась отступить в неубедительную тень редакционного крыльца, чтобы представить в распоряжение Люськи Овечкиной широкую концертную площадку; в том, что из своего рассказа – как ей удалось наткнуться на труп – Люська непременно постарается сделать полноценный эстрадный номер, я не сомневалась.

– Итак, это вы нашли тело? – спросил у Овечкиной своим вечно простуженным гнусавым голосом Алексей Федорович Бугаец и пытливо вколочил в нее остренькие красненькие глазки.

– Да, – звенящим голосом ответила подруга.

Обладая хваткой молодого бульдога, внешностью Овечкина больше напоминала болонку: сходство с нею в первую очередь обеспечивала Люське кудлатая прическа. Мелкие кудряшки занавешивали ее лицо почти до подбородка, и для того, чтобы посмотреть на собеседника, коллега резко встряхивала головой: светлые кудельки взлетали, на миг приоткрывая ее карие, всегда испуганные глаза, и снова падали на лицо россыпью упругих спиралек.

В остальное время, глядя на Люську, вы видели только эту шапку волос и ярко окрашенный рот, который часто кривился в плаксивой истеричной гримасе. Другой Люськиной особенностью был тонкий серебряный звон, сопровождавший Овечкину всюду, где бы она ни появлялась; треньканье издавали многочисленные браслеты и брелоки, нанизанные на Люськины руки, как кольца на стержни детской пирамидки.

Довершали образ моей коллеги всегда такие короткие юбки, что на их покрой, по моим подсчетам, уходило ткани немногим больше, чем понадобилось бы на один хороший носовой платок.

Сейчас следователь Бугаец, часто мигая, смотрел как раз на Люськину юбку – а точнее, заметила я не без злорадства, на выступающие из-под нее тонкие, как у жеребенка, ноги с гладкими коленками. Заметив этот взгляд, Овечкина смущенно переступила конечностями и в конце концов переплела их в жгутик.

– Я спрашиваю: каким образом вы наткнулись на труп?!

Люська зябло повела плечами, тряхнула болонистой головкой и вдруг выстрелила прямо в бугайцовскую физиономию словесной очередью – так резко, что окружающие от внезапности втянули головы в плечи:

– Я не натыкалась на труп то есть не хотела наткнуться то есть не знала что он уже труп!!! Я шла на работу увидела его, – Люська опять мотнула головой, взмахнула руками, браслеты звякнули, кудряшки взлетели и снова закрыли лицо, – увидела его!!! И подумала надо спросить когда он вернет Юлькину фотографию стенд пустует!!! Стекло разбито рамка ободрана ясно его рук дело а он не отвечал я подошла ближе спросила уже громче!!! Он молчит я обиделась говорю мужчина вы меня подводите он смотрит и молчит я еще ближе тронула за плечо а он – ААААА!!!!

Овечкина вдруг завизжала таким ультразвуком, что следователь Бугаец от неожиданности отпрыгнул в сторону, а я усмехнулась: Люськина манера рассказывать об уж-жасных вещах (если вы с ней не знакомы) могла стать для слушателей причиной легкой контузии.

– АААА! – продолжала Овечкина. – Мертвый! Совсем мертвый! Я к Мартынову это наш главный редактор Мартынов вам звонить я по кабинетам все сюда стояли смотрели!!! Когда милиция ушли а я осталась я свидетель у вас есть программа защиты свидетелей вы должны меня спрятать!!! Убийца теперь охотится за мной я знаю как бывает сегодня меня будут ждать в подъезде р-р-раз – нож в спину!!! А я не могу я боюсь и кроме того кровь она потом не отмоется а на мне светлая блузка...

Я отключилась на время: дальше Люська понесла такую чушь, что, если продолжать вслушиваться, можно усомниться в собственной адекватности. К тому же привычка коллеги в минуты острого испуга говорить так, что в ее речи почти не чувствовалось знаков препинания, заставляла напрягать мозг с совершенно не окупаемой для этого натугой.

Некоторое время Бугаец взирал на Овечкину взглядом василиска. Но в конце концов, невероятным усилием воли сконцентрировав в себе годовой запас терпения, Алексей Федорович приступил к детальному допросу. Меня он при этом почему-то не прогнал. И слава богу! Вопрос о том, когда это Люська видела Одноглазого живым и при чем здесь моя фотография, занимал меня не меньше самого следователя.

Под взлет-спад кудряшек, звон браслетов и цоканье каблучков из Люськиной сумятицы вычленялось следующее.

Дней пять назад Овечкина задержалась на работе дольше обычного: утром она взяла интервью у отставной невесты нефтяного магната и теперь срочно переводила на бумагу нецензурную брань своей героини в адрес неверного жениха во вполне цивилизные словосочетания. Работа была нелегкой (попробуйте сами заменить «плешивого козла-импотента» на «лысеющего жуира с ослабевшими возможностями» – убедитесь!). И Овечкина даже обрадовалась, когда появился повод отвлечься: расшатанная дверь малюсенького кабинетика (сейчас Люська находилась в нем одна, но вообще-то эту кондейку мы делили с ней вместе) отворилась, и в образовавшуюся щель скромно протиснулся Одноглазый.

Любопытство вмиг сменилось у Люськи паническим ужасом: ей показалось, что ее хотят похитить пираты. Но визитер, которого Овечкина приняла за корсара Флинта, быстро погасил напряжение: вежливо сняв перед корреспонденткой шляпу и прижав ее к груди затянутой в вязаную перчатку рукой, другой рукой он вынул и разложил перед Люськой на столе часть газетной страницы. Это была аккуратно вырезанная маникюрными ножницами из нашего еженедельника статья «Украли маму», под которой стояла моя фамилия.

– Что за статья? – впервые посмотрел на меня следователь Бугаец.

Я пожала плечами.

– Как я могу рассказать в двух словах? Статья о том, как из городского морга похитили труп...

– Чей труп?

– Одной пожилой женщины. Умершей от инфаркта.

Бугаец кивнул, как будто ему все сразу стало понятно, и вновь обратился к Люське:

– Дальше?

...Незнакомец разложил перед Люськой мою статью и, повернув голову так, чтобы Люська полностью попадала в ракурс его единственного глаза, очень тихо, слегка растягивая слова, вежливо спросил у нее:

– Это вы?

Люська отвела локоны с лица и непонимающе уставилась на своего визави.

– Это вы? – повторил он свой вопрос. – Это ваша статья?

Голос у него был глуховатый, но не лишенный приятности. По крайней мере, холодный комок ужаса, подкативший к Люськиному заячьему сердцу, откатился обратно к желудку.

– Не-ет! – облегченно выдохнула Овечкина, мельком глянув на подпись под статьей. – Вы табличку на двери увидели? Да, Юлия Воробейчикова работает в этом кабинете, но сегодня ее уже не будет...

– А когда?

– Ну, завтра...

Незнакомец направился к двери и уже ухватился было за болтающуюся на одном гвозде металлическую ручку, как вдруг остановился и снова зацепил Люську взглядом.

– Скажите, а есть ли какая-нибудь возможность поговорить с автором статьи раньше завтрашнего утра?

– Нет-нет, – поспешно отказалась Люська. – Адресов сотрудников мы не даем. Просто приходите пораньше, вы наверняка застанете Юльку... то есть Юлию Андреевну... на месте – завтра газетный день.

– Видите ли, – после минутного раздумья сказал Одноглазый, – как это у вас говорят, дело не терпит отлагательства. Мне нужно очень срочно увидеть эту Юлию Воробейчикову.

Люська постепенно приходила в хорошее настроение и, улыбнувшись, озорно предложила:

– А вы выйдите в коридор, там стенд висит с портретами наших сотрудников, под каждой фотографией – подпись, вот и увидите Юльку, если вам очень уж хочется!

Она ждала, что неизвестный улыбнется вместе с нею этой незамысловатой шутке, но он неожиданно кивнул и быстро вышел.

А полтора часа спустя, покидая редакционные коридоры, Овечкина неожиданно для самой себя остановилась у стены, где под пыльными стеклами красовались выстроенные по ранжиру фотографии работников газеты «С тобой». Местом, отведенным моей персоне, явно заинтересовались какие-то вандалы: стекло было разбито, фотография содрана с картонной подложки так безжалостно, что она повисла рваными полосами, нетронутой осталась только подпись под ячейкой.

Другие фотографии смиренно висели каждая на своем месте.

Люська страшно рассердилась на Одноглазого – ведь ясно было, что это он испортил нашу редакционную красоту! Но рассказывать о странном визите кому бы то ни было она поостереглась.

– Лю-юлька! – простонала я. – Ну мне-то можно было сказать!

– Я боялась, что ты рассердишься, а вдруг это он порчу какую-то на тебя хотел навести?!

В Люськиной речи уже появились запятые и вопросительные знаки – добрый признак! Но одновременно из-под кудряшек показались и заморосили частым дождем прозрачные капли, послышалось хлюпанье и бульканье – и через минуту подруга уже исходила рыданиями. Связанная речь прервалась, и по своему личному опыту я знала, что это надолго.

Ничего другого не оставалось, как обнять рыдающую Люську за плечи и увести ее наконец с улицы, где на нее уже пялились редкие прохожие, в здание редакции. Бугаец же задер-

жался возле оперов. Они уже закончили осматривать место происшествия и вполголоса докладывали ему о чем-то.

* * *

Через полчаса, сдав ревущую белугой Люську с рук на руки нашей сердобольной секретарше, я беседовала с Бугайцом в том самом кабинетике, где Овечкина впервые увидела Одноглазого.

– ...Значит, вы не знаете о причине столь пристального интереса убитого к вашей персоне?

– Не знаю...

Плечи Бугайца были опущены книзу, словно годами его притягивала к земле невероятная тупость свидетелей обвинения. Алексей Федорович вздохнул, зачем-то провел пальцем по крышке стола, за которым он расположился со всеми удобствами, и неожиданно обратился ко мне с ноткой некоей человечинки – это было так вдруг, что я даже растерялась:

– Юлия Андреевна, я понимаю, что профессиональная гордость заставляет вас скрывать от следствия важные данные – погоня за сенсацией, журналистская жилка, – я не одобряю этого, но понять могу. Однако согласитесь: не договаривая чего-то мне, вы...

– Алексей Федорович! – я была так возмущена, что еле смогла сдержать рвущиеся из меня нехорошие слова. – Это нечестно, в конце концов! Я только что рассказала вам, что этот человек следил за мной три дня подряд, – честно рассказала, все без утайки! Точно так же честно поклялась, что не знаю его и никогда не имела возможности наблюдать этого типа раньше! Ответила на все ваши вопросы! А вы пытаетесь обвинить меня в какой-то дьявольской изворотливости! Ну, в чем же я виновата, если этот сумасшедший выслеживал именно меня?

– Юлия Андреевна, но он же не случайно выслеживал именно вас! – Бугаец продемонстрировал мне немного помятый снимок моей физиономии. – Эта фотография, украденная со стенда, действительно оказалась в кармане убитого!

Плюнув в сторону Бугайца (мысленно), я с демонстративным безразличием уставилась поверх его головы с гладко зачесанными на лысину аккуратными прядями.

– Зачем же убитый все-таки приходил к вам в редакцию? – после паузы вновь проникновенно поинтересовался у меня Бугаец.

Я почти взвыла:

– Господи боже мой, да вы вообще имеете представление о том, сколько всякого сумасшедшего люда отирается в редакционных коридорах? Тем более – весной и осенью, когда у шизофреников случаются обострения? У нас одних только писем и обращений от подобных личностей – горы и горы! Отдельные мешки пришлось в кладовке поставить!

– А статья? Ее тоже нашли в его кармане!

Бугаец выложил передо мной аккуратно сложенную вдвое газетную вырезку с публикацией. Я скосила на нее глаза, хотя в этом и не было собой необходимости; не так уж много времени прошло с того дня, как я сдала в номер эту не очень большую, но с налетом определенной сенсации заметку.

УКРАЛИ МАМУ⁴

... Потрясающая история случилась в нашем городском морге. История, которая свидетельствует – «похитители трупов» существуют не только в романах о вампирах и фильмах ужасов.

Об этом нам рассказал пятидесятилетний житель пригородного поселка Береговой Илья Нехорошев, которого можно назвать пострадавшим от действий таинственной банды. Все началось 23 сентября этого года, когда в четыре часа утра прибежал к Илье его младший брат Иван.

– Маме плохо! Похоже, сердечный приступ! – задыхающимся голосом выпалил он уже с порога.

Илья кинулся к брату – братья живут в одном поселке, и их дома лепятся друг к другу, разделенные лишь невысоким заборчиком. Восьмидесятилетняя Руфина Нехорошева, простоволосая, в длинной ночной сорочке, обложенная со всех сторон подушками, полулежала на кровати и, подняв руки к горлу, судорожно хватала ртом воздух. Из ее хриплых жалоб стало понятно: мать мучают боли в сердце – такие сильные, что они не дают женщине дышать. Иван с Ильей, бестолково суетясь, пытались помочь престарелой женщине – нашли и накапали лекарство, распахнули окна и растерянно застыли. Первой опомнилась жена Ивана Алла. Она кинулась в поселковый совет вызывать «Скорую помощь», которая прибыла уже через четверть часа.

Клиническая картина позволяла врачам поставить печальный диагноз: инфаркт миокарда. И уже в 6.45 утра больную доставили в инфарктное отделение ближайшего кардиоцентра.

В тот же день в 19.05 больная умерла. Тело Руфины Нехорошевой перевезли в морг областной больницы для проведения патолого-анатомического исследования.

Наутро Илья с Иваном вместе с родственниками приехали в морг за телом матери. Но здесь убитых горем мужчин ждало, мягко говоря, неожиданное известие.

– Я предъявил старшей санитарке морга паспорт моей матери, – рассказал нам Илья, – а у нее буквально глаза на лоб полезли! Оказывается, тело матери забрали еще поздним вечером 23 сентября двое молодых людей и женщина, представившиеся ее детьми!

Позже, давая показания в прокуратуре, старшая санитарка морга Надежда Чернобай сказала, что, будучи слегка напуганной напором «родственников», она выдала тело без всяких документов. За скромное вознаграждение в триста рублей Надежда Чернобай помогла «детям» обрядить умершую. Когда все было кончено, «дети» Нехорошевой опустили тело в новый гроб, погрузили его в машину и увезли в неизвестном направлении.

Вторая загадка этой истории – странные телефонные звонки в кардиоцентр, поступавшие в течение тех нескольких часов, пока врачи пытались спасти жизнь Руфины. Неизвестная женщина, никак не представляясь, несколько раз интересовалась состоянием больной. Со стороны родни Нехорошева никто в этот промежуток времени в кардиоцентр не звонил!

⁴ История, рассказанная в этой статье, действительно имела место в одном из городов России. Автор изменил лишь некоторые фамилии. (Прим. автора.)

И в ГУВД, и в прокуратуру, в администрацию области, к губернатору – всюду Нехорошевы обращались с одной только просьбой: помочь найти тело их покойной матери. Их принимали везде, выслушивали даже очень внимательно, удивлялись случившемуся, но помочь никто не смог. Все дело в том, что нет в Уголовном кодексе статьи о похищении трупа! А раз нет статьи – нет и преступления.

По этой причине прокурорские работники, рассмотрев заявление от пострадавшего Ильи Нехорошева, вынесли постановление... об отказе в возбуждении уголовного дела. Все по той же причине – нет такой статьи в УК.

Версий, согласно которым неизвестным людям понадобилось выкрасть из покойницкой труп, можно придумать не так уж много. Но в нашей редакции родилась такая.

Не так давно все СМИ писали о нашумевшем уголовном деле, случившемся в далеком Новосибирске, где из городского морга пропали 56 трупов и 4000 препаратов из частей человеческого головного мозга. Как было установлено новосибирской прокуратурой, и тела, и препараты были переправлены в Германию – некоему Гюнтеру фон Хагенсу, который известен на Западе как художник-авангардист, использующий трупы в своих анатомических выставках.

Может быть, похожая история случилась и у нас? Не попало ли тело матери Ильи в руки немецкого художника-авангардиста, из которого он, возможно, пожелает «создать» очередное произведение?

Но в любом случае, чем бы ни закончилось дело Ильи, мы будем следить за развитием событий. И обязательно сообщим нашим читателям о том, к какому завершению придет эта история...

*Юлия Воробейчикова,
наш спец. корр.*

Вот в эту статью, напечатанную в еженедельнике «С тобой» около недели назад, следователь Бугаец и тыкал сейчас своим тощим, поросшим редкими рыжими волосками пальцем.

– Ну и что? – спросила я скучным голосом. – У нашей газеты большой тираж, мало ли кому какие нравятся публикации!

Но Бугаец не угомонился и снова полез в карман. На свет божий появилась третья бумажка, на этот раз бережно уложенная в целлофановый пакетик – я знала, в таких следователи хранят вещественные доказательства. Мой собеседник аккуратно извлек листочек за уголок и, словно драгоценную реликвию, с величайшей осторожностью показал мне его на расстоянии, не давая взять в руки:

«Если вы читаете это, значит, меня убили, – прочитала я, вне себя от удивления. – Посмотрите на фотографию: она все знает».

– Чего-чего?!

Бугаец повернул к себе записку и, иезуитски кося на меня одним глазиком, со смаком и раздельно повторил ее содержание.

– Бред какой-то...

– Бред это или нет, но убитый в своей смерти обвиняет именно вас...

– Тогда он действительно сумасшедший! Ну подумайте сами, зачем...

– Это как раз я и хочу от вас услышать. Чистосердечное признание, знаете ли, смягчает ви...

– Черт, это же сказка про белого бычка! – заорала я, вскакивая с места.

И с такой силой грохнула о стол своей сумкой, что с него посыпались на пол и, кажется, частично разбились многочисленные глиняные и фарфоровые безделушки: у наших редакци-

онных мужчин была манера дарить женской половине по всяким праздникам миниатюрных слоников-собачек-ангелочков. Среди них были и милые моему сердцу вещицы, и мысль о том, что из-за этого дурака Бугайца я покалечила любимые фигурки, только подбавила масла в бушевавший во мне огонь:

– Алексей Федорович, я совершенно официально отказываюсь давать какие-либо показания на эту тему! Можете считать, что формально я воспользовалась пятьдесят первой статьёй Конституции, но неофициально, как говорится – «между нами, девочками», примите к сведению следующее: я желаю свести дальнейшую возможность общения с вами до абсолютного минимума. И по очень простой причине: вы... вы недалекий человек!

Оставив Бугайца на месте – осмысливать услышанное, я толкнула дверь и так хлопнула ею, что фигуру Бугайца покрыла мелкая пыль осыпавшейся со стен известки.

* * *

В коридоре я остановилась и посмотрела во двор сквозь давно не мытое стекло.

Под окнами редакции все еще стояли милицейские «канарейки» и прокурорская «Волга».

Все-таки лучше подождать, пока они отбудут восвояси.

Эти несколько минут проще всего было перекурить, что я и решила сделать. Курилка наша располагалась одним лестничным пролетом выше, и я взбежала по лестнице вверх, едва не столкнувшись по дороге лоб в лоб с какой-то дамой. Именно дамой – она словно сошла с обложки модного журнала, вот только совершенно непонятно, что такая фея может делать на нашей замызганной лестнице.

– Я вас задела или вы меня? – спросила я, на секунду отстранившись и окинув незнакомку взглядом, в котором, надо признаться, было мало дружелюбия.

Если кто-то предположит, что мой агрессивный тон был вызван вековой завистью дурнушки к красивой женщине, то он не слишком ошибется. Но я, по крайней мере, сама в этом честно признаюсь – да, это было именно так!

Передо мной стояла сногшибательная баба, одетая в великолепный плащ от Porter Grey, который я совсем недавно видела в последнем модном каталоге. Лакированные пуговицы, широкие рукава в три четверти, практичный пояс и удобные петли на запонках – было в ее образе что-то одновременно и классическое, и спортивное. А осанка? «Полная элегантности и достоинства», как написала бы в заметке на светскую тему моя коллега Люська Овечкина. А прическа? Взглянув на роскошную медно-рыжую шевелюру, отливавшую всеми оттенками расплавленного золота, я чуть было не застонала от нового приступа зависти: есть же в мире женщины, которых огненный цвет волос не уродует, а красит!

Убивать таких надо, чтобы не портили другим настроения!

– Я вас задела или вы меня?

Неторопливым жестом, тонкой рукой, затянутой в длинную, до самого локтя, перчатку, она сняла темные очки и взглянула на меня странными глазами, в которых неуловимо сквозило что-то кошачье.

– Думаю, что ответ на этот вопрос на самом деле вас не слишком интересует, – произнесла она странно знакомым голосом с чуть заметно мурлыкающими интонациями. – Ведь на самом деле вы твердо уверены, что толкнула вас именно я – не так ли?

Так ли, так ли! Она и в самом деле сама была виновата – видела же, что я лечу вверх по ступеням, могла бы и посторониться! Да и сам этот вопрос – не косвенное ли признание своей виновности?

– Ну и что? – спросила я, невольно отступая на шаг.

– Да ровным счетом ничего, если, конечно, вы дадите мне пройти.

Где я слышала этот голос?

– Пожалуйста... – Я посторонилась.

Она раздвинула в улыбке полные губы:

– О, благодарю вас.

Дама чуть помедлила, возможно, ее удивило то, как напряженно я вслушивалась в это ее «О, благодарю вас». Дело в том, что у меня абсолютный музыкальный слух. Это большая редкость, между прочим. Я, может быть, могла бы стать великим музыкантом, если бы бог дал мне хотя бы немного усидчивости. Музыкальную школу я бросила в детстве уже на нудном этапе разучивания гамм...

Так вот, слух у меня абсолютный. Это дает определенные преимущества. Любой голос, который мне когда-либо пришлось услышать, впоследствии я узнавала так же быстро и свободно по определенному характеру его звучания, как вы сразу узнаете в лицо знакомого человека. И вот тут я голову могла прозакладывать за то, что этот низкий с хрипотцой тембр, которым говорила дама в плаще от Porter Grey, я уже слышала не далее чем сегодня утром. Но где?

Еще минута, и я вспомню...

– ...благодарю вас. И раз уж вы оказались первым человеком, встретившимся мне на пути в редакцию «С тобой»...

Вспомнила!

– ...то, может быть, вы не сочтете за труд объяснить мне, как пройти к главному редактору?

– Вы выступали сегодня на радио?

– Простите?

– Я спрашиваю – это вы сегодня в эфире радиостанции... не помню какой... пожелали, то есть предсказали Овнам «крупные неприятности, связанные с риском для жизни»?!

– Деточка, смените тон, – попросила она, продолжая улыбаться, но в ее знакомом голосе отчетливо звякнуло железо. – Во-первых, я не обязана вам никаким отчетом, во-вторых, глупо выяснять отношения, стоя на лестнице, ну и, наконец, отсутствие вежливости не приведет вас ни к чему хорошему, тем более что вы, – она снова улыбнулась, – Овен, то есть человек, который и без того с избытком наделен упрямством и полным отсутствием гибкости в характере.

Значит, это все-таки была она! Та, из-за которой все началось (я была в этом просто уверена!). Нахмурившись, я весьма недружелюбно смотрела на рыжую стерву с лицом цвета слоновой кости и не знала, как бы получше ответить на улыбку, спрятавшуюся в уголках ее губ. Но эта дама, похоже, несколько не тяготилась моим молчанием. Она снова протянула вперед руку и чуть снисходительным жестом (ровно настолько, чтобы он не показался фамильярным) слегка дотронулась кончиками пальцев до моего лба.

– Ну же, не надо так хмуриться, моя дорогая! Сейчас вы и в самом деле похожи на упрямого барашка. Хотя и без этого я распознала бы в вас Овна вот по этой складке, – рыжая дама провела пальцем по промежутку между моими бровями. – Как и у многих Овнов, у вас довольно резкие черты лица и хорошо очерченные брови; узкая переносица часто образует вместе с бровями вот такой, – она начертила у меня на лбу что-то похожее на букву Т, – вот такой знак. Который астрологи называют «знаком барана». Вы – типичный, ярко выраженный Овен, потому и знак этот проступает на вашем милом лице с такой четкостью. Кроме того, у вас здоровый цвет лица – как у большинства Овнов; волосы отдают рыжиной – как у половины представителей этого знака; вы очень быстро, хотя и не слишком грациозно двигаетесь – так, что от вас как будто отлетают незримые искры; а самое главное – вам присуща главная черта всех Овнов: эгоцентризм. Едва не сбив меня с ног на лестнице, вы не сказали, как это сделало бы девять десятых представителей человечества: «Извините» или «Вы не ушиблись?», а воскликнули: «Я вас толкнула или вы меня?»

– Ну и что? – спросила я хмуро.

– Да ничего особенного, если не считать того, что местоимение «Я» у вас стояло на первом месте. Это и есть признак эгоцентризма – отличительной черты и главного «греха» всех, кто родился под знаком Овна.

– Ну и... ну и пусть! – я так и не смогла придумать ничего поостроумнее. – А все равно это все ерунда. А вот то, что вы желаете мне всяческих неприятностей...

– Я? Помилуйте!

– А сегодня, по радио?

– Это было не пожелание, а предостережение.

– От чего?

– От периода серьезных испытаний, который вас ожидает. Октябрь этого года – очень беспокойный месяц для Овнов. Ваша импульсивность наверняка толкнет вас на осуществление новой идеи, а указаний на благополучный исход не так уж много. Кроме того... – тут ее голос вдруг понизился до мрачного шепота, и мне почему-то показалось, что на лестнице стало темнее. – В то же время... Назовите дату своего рождения!

Завороженная таинственностью, которую принимал наш разговор, я против воли сказала ей, когда я родилась.

Перед тем как продолжить, рыжая дама с минуту постояла с закрытыми глазами, словно прислушиваясь сама к себе.

– 17-й градус Овна, управитель – Меркурий... «Прекрасная, роскошно одетая женщина возлежит на ложе. Вокруг нее – фрукты и золотые сосуды. Близ нее, на столике, инкрустированном белым мрамором, лежит открытая книга. Указывает на праздного мечтателя, любителя удовольствий, которому свойственны непостоянство, аферы, переменчивая жизнь и множество порочащих связей».

– Это все про меня? – осведомилась я, набычившись.

– Да. Но в то же время, – и она снова улыбнулась кошачьей улыбкой, – такому человеку гарантирована удача. В ближайшие дни транзитная Луна в соединении с Ураном принесут вам внезапные события – перемены в личной жизни – и отразятся на ваших делах. Нарушится заведенный порядок работы, транзитное Солнце в секстиле с Нептуном спровоцируют пробуждение интуитивных творческих способностей, вдохновение и стремление во что бы то ни стало решить вдруг возникшую загадку. Это пока все, что я могу вам сказать.

– Спасибо, для первого раза вполне достаточно, – съязвила я. – Может быть, еще какой-нибудь совет на дорожку? Поставить свечку, воскурить фимиам, оскопить любимого, снять порчу?

– Вам обязательно нужен совет? – спросила она, и ее колдовские глаза вдруг полыхнули желтым пламенем. – Советы давать надо тогда, когда они действительно необходимы. Возьмите это, – и в мою руку вползла визитная карточка. – Позвоните, когда поймете, что в самом деле хотите меня видеть. И тогда, может быть, мой совет действительно придется вам кстати. А пока... Как все-таки пройти к вашему главному редактору?

* * *

«Ада. Магистр Астрологии», – прочитала я на картонном прямоугольнике, спускаясь по лестнице к главному входу, – милицейская и прокурорская машины уже покинули наш редакционный двор, и я сочла за лучшее воспользоваться этой передышкой, чтобы сбежать домой. Магистр? Астрологии? Ада – вот просто так, без фамилии?

Не то чтобы я совсем не верила в эти штучки, но как-то никогда не примеривала их на себя. Обидно, знаете ли, думать, что твоя судьба находится не в твоих же руках, а начертана неведомой рукой где-нибудь на «пыльных дорожках далеких планет».

Впрочем, я скоро перестала об этом думать, потому что впереди у меня было свидание с Антоном.

Мне очень хотелось устроить ему грандиозный скандал и, напомнив ему о свидании с незнакомой Цирцеей в кабаке «Лукоморье», разоблачить неверного поклонника, как гада и предателя. Но усилием воли я решила на время этот процесс отложить. Во-первых, сегодня я очень нуждалась в поддержке, и не чьей-нибудь вообще, а именно его, Антона. А во-вторых, – и это, может быть, было главнее, – мне страстно хотелось представить все дело так, что это не он меня, а я его бросаю!

Но для этого надо было: а) похудеть; б) ликвидировать все непонятные обстоятельства, мешающие мне жить, чтобы целиком сосредоточиться на процедуре гордого расставания с Антоном.

Дорога до дому протекла в мечтаниях, объединенных одним общим сюжетом: как Антон делает мне предложение, а я ему отказываю.

– Выходи за меня замуж! – просил он, стоя на пороге в белых перчатках и с огромным букетом моих любимых чайных роз.

– Никогда! – гордо отвечала я, захлопывала дверь и прищемляла ему нос.

– Будь моей женой! – умолял Антон, обнимая мои ноги, и поливал ступени соленым душем собственных слез.

– Ни за что! – бросала я через плечо, и перешагивала через него, и садилась в роскошный лимузин у подъезда. Вслед мне неслись душераздирающие Тошкины рыдания.

– Я мечтаю жениться на тебе! – кричал мой бывший любимый, стоя на крыше нашего дома. – Если ты мне откажешь, я брошусь вниз!

– Вот еще! – отворачивалась я. И через секунду отчаявшийся Антон сигал с крыши и разбивался в лепешку.

– Стань моей подругой жизни! – заклинал Тошка, пытаясь поймать мои унизанные бриллиантами и изумрудами руки.

– Охрана! Выкиньте его вон! – приказывала я, застегивая на плече соболиную ротонду. И уплывала по Средиземному морю на белоснежной яхте карибского миллионера Гарун-аль-Рашида, с которым сливалась в страстном поцелуе – а бравые мальчишки уже волокли скулящего Антона вон, вон, на свалку истории!

В приятных мечтаниях час дороги прошел незаметно...

* * *

– ...А что это за история с пропавшими из новосибирского морга трупами? – поинтересовался Антон, когда я рассказала ему об ужасных событиях сегодняшнего дня и познакомила с текстом предъявленной мною газетной статьи – копии той, что была найдена в кармане убитого. – Новосибирск... Это ж край нашей жизни!

– Ну, это длинная история.

– Ничего, мы же не торопимся! – подчеркивая, что ему и в самом деле некуда спешить, Антон очень удобно расположился за чайным столом в кухне, закинув ногу на ногу и улыбнувшись мне улыбкой какого-то голливудского красавца – вот только я никак не могла вспомнить, какого именно.

Пришлось вставать из-за стола и идти в соседнюю комнату за картонной папкой, куда складывались газетные вырезки, по той или иной причине привлекавшие мой репортерский интерес. Не часто, но случалось, что в лично моей работе криминального корреспондента этот «архив» служил неплохую службу.

Разложив бумажки прямо на чайном столе, я набрала в грудь побольше воздуха и приступила к длинному докладу:⁵

– Дело о пропаже трупов из новосибирского морга, или «Дело о чучелах мертвых россиян», как его окрестили газетные репортеры, наделало в печати и на ТВ много шума. Собственно, поэтому я о нем и вспомнила – очень уж похоже на нашу историю, хотя, казалось бы, где Москва, а где Новосибирск... Не так давно тамошняя прокуратура предъявила обвинение начальнику бюро судмедэкспертизы Вениамину Новосельцеву в незаконном вывозе в Германию более пятидесяти человеческих тел.

Следователи областной прокуратуры выяснили, что останки почивших новосибирцев доставлялись гражданину Германии Гюнтеру фон Хагенсу. Этот человек, называющий себя «ученым», известен на Западе как художник-авангардист, устраивающий шокирующие анатомические выставки из человеческих тел. Выставки были настолько скандальны, что на демонстрацию части экспонатов власти были вынуждены наложить запрет.

– Господи, да что там за экспонаты были такие? – не выдержал Антон, передернув плечами.

Я пошуршала бумажками.

– Они представляли собой умерших людей, тела которых Хагенс мумифицировал и выставлял либо полностью, либо в расчлененном виде: например, мужская фигура без кожи в позе дискобола, свисающее тело мужчины, расчлененное на дюжину отдельных частей, подвешенных на нейлоновых шнурах. Или мертвец, разделенный вертикально пополам. Если тебе и этого мало – упомяну мертвеца с полностью содранной кожей и вскрытой черепной коробкой в придачу, задумчиво сидящего за столом. Демонстрировалась на выставке и беременная женщина – вместе с плодом, поданная словно в разрезе, и даже всадник вместе с лошадыю – при полном комплекте внутренних органов, просматриваемых сквозь сеть мышц и сухожилий. Не гнушался «Доктор Смерть», как прозвали Хагенса журналисты, удивить общественность показом полового акта, совершаемого трупами мужчины и женщины.

Антон судорожно вздохнул и с отвращением отодвинул от себя чайную чашку.

– А родственники тех, кого этот ваш «ученый»... «выставлял»... морду они ему не пытались начистить? – спросил он, зеленея на глазах.

– Про «чистку морды» газеты не сообщали, – ответила я. – Но достоверно известно, что против выставки Хагенса выступили семьи умерших, части тел которых были без согласия родственников ампутированы в больницах и затем украдены. Тем более что правоохранительные органы скоро выяснили, что «Доктор Смерть» в течение нескольких лет получал для производства своих экспонатов трупы со следами насильственной смерти из китайских и киргизских тюрем и психиатрических клиник. В результате министр здравоохранения Киргизии даже освободил от занимаемой должности ректора Киргизской медицинской академии.

– А кроме того, ты сильно удивишься, но у выставки «Миры тела» есть и сторонники, и их большинство, – продолжала я. – Эти люди не видят святотатства в том, что экспонаты состоят из тел умерших людей. Тем более что сам доктор утверждает, что люди завещали ему свои тела добровольно. В патолого-анатомический институт в Гейдельберге с аналогичной просьбой ежедневно обращаются более 25 человек, так что руководству института даже пришлось создать ставку сотрудника для оформления завещаний. Известная в Германии 46-летняя Анжела Претцель, хирург по профессии, узнав, что у нее рак мозга, сама связалась с фон Хагенсом, которого она «считает гениальным анатомом и художником», и не только завещала ему свое тело, но и работает сейчас в администрации его передвижной экспозиции. А 65-летняя жительница Берлина Моника Штумм написала посмертное распоряжение о пере-

⁵ Все, рассказанное ниже, действительно происходило в России и Германии. Автор изменил лишь некоторые фамилии.

даче своего тела фон Хагенсу сразу же после посещения выставки. На вопрос журналиста, что побудило ее к этому, фрау Штумм ответила просто: «Хочу сэкономить на своем погребении».

– Так похищал он трупы или нет?!

– В своих многочисленных интервью Хагенс все время утверждал, что мертвые тела для этих страшных выставок ему завещали соотечественники. Однако на сегодняшний день известно, что в Германию без согласия родственников было вывезено 56 трупов из Новосибирска и 488 – из Бишкека.

И вот, возвращаясь к скандалу в Новосибирске... Предполагалось, что трупы, отправленные в Германию, должны были вернуться в новосибирский медицинский вуз в качестве учебных пособий. Однако они туда не вернулись. Более того, следователи обнаружили, что не все вывезенные в Германию тела были неостребованными, как то значилось в документах судмедэкспертизы.

В частности, в новосибирском суде в качестве потерпевших по делу о незаконном вывозе человеческих останков в Германию проходили родственники восьми умерших. О том, что тела их родных находятся в Германии, эти люди узнали от правоохранительных органов. Как выяснилось, некоторым из них, когда они разыскивали тела своих родственников, в бюро судебно-медицинской экспертизы говорили: «Извините, но трупы уже кремированы». Однако в ходе двух судебных разбирательств вина Новосельцева доказана не была.

– Не была?!

– Нет. Несмотря на то что из-за протестов прокуратуры дело слушалось в суде целых четыре раза.

– Ох, черт! Поневоле задумаешься о составлении завещания, – задумчиво протянул Антон. – Как представишь, что вот ты стоишь за стеклом, голый и разрезанный, а на тебя дураки глазуют... Особенно женщины...

– Фу, перестань!

– Да нет, я просто... Хотя нет, хватит об этом! Получили порцию адреналина – и довольно. Теперь скажи-ка: все эти ужасы действительно могут иметь отношение к той истории, описанной тобою в газете, про этих – как их?

– Нехорошевых.

– Вот-вот, этих Нехорошевых?

– Это только одна из возможных версий, – пожала я плечами. – Причем версий, родившихся исключительно в моей голове. Милиция, как я уже говорила, никаких теорий на этот счет не выдвигала, потому что дело не возбуждалось из-за отсутствия в Уголовном кодексе соответствующей статьи. Так что достоверно никому не известно, есть ли связь между похищением тела покойной бабушки и теми делами, которые творил Хагенс...

– Ну так надо установить ее, эту связь!

– Давай. А как?

– Ну... – Антон почесал подбородок, – начнем следствие, а там и видно будет! Прежде всего нам с тобой надо пойти в морг...

– Мапочка! – вскрикнула я непроизвольно.

– ...пойти в морг и поговорить с главным патологоанатомом, узнать у него подробности истории с кражей трупа этой бабули. Да, и еще надо достать адрес уволенной санитарки.

– А можно я все-таки в морг не пойду? – спросила я без всякой надежды.

– Нельзя! – отрезал мой возлюбленный. Встал и ободряюще потрепал меня по плечу: – Не бойся. На трупы смотреть тебя никто не заставит! – и добавил, словно это могло меня успокоить: – Я и сам покойников боюсь...

* * *

Я опять плохо спала (мне снились липкие кошмары, которым позавидовал бы какой-нибудь именитый голливудский продюсер или режиссер) и на работу на следующий день прилепала совершенно невыспавшейся. Мне предстояло отпроситься у нашего главного редактора Петра Егорыча Мартынова – следовало обеспечить себе возможность не появляться на работе несколько дней, пока бабка не закончит с моей помощью заявленное следствие. Обычно Мартынов откликнулся на такие мои просьбы весьма охотно: еще не было случая, чтобы после оговоренного срока я не принесла ему в зубах сенсационный материал для рубрики «Журналистское расследование».

Петру Егоровичу Мартынову, нынешнему главному редактору, все это прекрасно известно, и в случае надобности он с легким сердцем отпускает меня на пять-шесть дней – попасться в «поисках самостоятельной темы». Именно с такой просьбой я намеревалась обратиться к Мартынову и сегодня, но...

Сегодня в нашей редакции никому не было до меня никакого дела. Все сотрудники «Стойбики», от главного до уборщицы, толпились возле малюсенького кабинетика, который я делила с моей коллегой и подругой Люськой Овечкиной. На лицах «стойбиков» отражалась целая гамма чувств: от простой и понятной черной зависти до независимого «Подумаешь!».

– Что случилось? – спросила я у спортивного обозревателя Генки Волынкина, когда оставила тщетные попытки проникнуть сквозь толпу.

Генка повернулся, из-за чего я тут же оказалась прижатой к стенке (живот у Волынкина был ого-го, как он сам говорил – «не от пива, а для пива!»), и, взмахнув обеими руками в целях сохранения равновесия, ибо в любое время суток он держался на ногах нетвердо, гордо сказал:

– Овечкина твоя сто тыщ выиграла!

– Люська? Сто тысяч? Во что? – удивилась я.

– В казино!

Я удивилась еще больше. Экзальтированная и маниакально пугливая Овечкина никогда не была завсегдатаем игорных заведений.

– Как же это она?

– Вот мы и пытаемся выяснить!

– Пусти-ка, – я обеими руками отодвинула от себя упругий Генкин живот (Волынкин сделал глубокий вздох и вытаращил глаза) и решительно заработала локтями. Коллеги расступались неохотно, но у меня было безусловное право попасть на свое рабочее место!

Люська стояла посреди нашего кабинетика и робко перебирала тонкими ножками в неизменной мини-юбке. Лица подруги было не видать: как всегда, его полностью закрывали пружинки мелких светлых кудряшек, из которых состояла Люськина прическа.

– Люсенька, ну расскажи же нам, как это тебе так повезло? – допрашивал Овечкину наш главный.

– Петр Егорович, все так просто вышло, – счастливо оправдывалась Люська. – Пошла в казино, поставила на «22» – и выиграла!

– Случайность, наверно, – вздохнул кто-то сзади.

– Вот честное слово, честное слово, мне было знамение! Самый настоящий ЗНАК! – воскликнула Люська, встряхивая локончиками.

– Знак! – выдохнула наша ведущая рубрики магии и гороскопов. – Овечкина, ты просто обязана рассказать нам во всех подробностях! Вдруг я тоже получу знак?

Вокруг одобрительно загудели.

– Материал о тебе на первой полосе дадим, Люсенька! – улещивал везучую коллегу Мартынов.

О, он знал, чем можно подцепить тщеславное Люськино сердечко! Ничего она так не желала в жизни, как попасть на первую полосу собственной газеты!

Перехватив ручками в многочисленных браслетах завиточки своих волос, она обвела всех нас сияющими глазами:

– Я расскажу, расскажу! Вдруг и правда кому-то еще так же повезет?!

Голос у нее был тонкий, почти пронзительный, с частыми истеричными придыханиями.

– Вчера, – заговорила Овечкина, чуть не плача от счастья, – такое настроение у меня было – ну, ужасное, я полвечера грустила, поплакала даже... не знаю, о чем – просто не везло в последнее время, ну ни в чем не везло...

«Не везло» на Люськином языке означало, что ее бросил очередной ухажер.

– И вот я, – продолжала Люська, сияя от воспоминаний, – решила пойти погулять – просто так, куда глаза глядят... В семь вечера это было, запомните! Выхожу из дома, иду к остановке... смотрю – подходит троллейбус. Седьмой номер. Запомните – седьмой! Я села, сама даже не знаю, зачем... Проехала семь остановок (слышите? – семь!), вдруг объявляют: конечная. Я вышла. И тут прямо передо мной – казино!

– И что? Ты его, что ли, за знак посчитала? – не выдержал Волынкин.

– Нет! – торжествовала подруга. – Я тогда еще ничего не поняла! Просто так вошла, из любопытства... Хожу между столов, хожу... А этот, как его? Ну, который в «бабочке»...

– Крупье?

– Да, он! Объявляет: делайте ставки. Я решила – дай рискну! И стала думать, на какую цифру поставить. И тут... И тут меня осенило! Надо ставить на «22»! Понимаете?!

Она снова прижала кудельки к вискам и посмотрела на нас на этот раз вопросительно.

– Нет... Не понимаю, – честно признался Мартынов.

– Ну как же! – топнула ножкой Овечкина. – Я вышла из дому в СЕМЬ вечера, села в СЕДЬМОЙ троллейбус, проехала СЕМЬ остановок...

– Ну и что? – хором спросили у нее мы все.

– А то, что это и был знак! Трижды семь – ДВАДЦАТЬ ДВА! – и торжествующая Люська опустила свой занавес.

Первые секунды окружающие хранили молчание – а потом редакционные стены сотряс такой громовой хохот, от которого вполне могли полопаться стекла в соседних с нами учреждениях. Даже главный редактор, имевший внешность и темперамент долго прожившего бульдога, смеялся во весь голос и вытирал выступившие слезы указательным пальцем. Генка Волынкин вообще повалился прямо на пол – пивное брюхо колыхалось, грозясь вот-вот откатиться от хозяина в сторону.

– Люсенька! Ты перепутала знаки, но получилось, что к счастью, – сказал Мартынов, отсмеявшись. – На самом деле высшие силы хотели тебе намекнуть, что пора бы выучить таблицу умножения!

С работы меня отпустили (веселящийся Мартынов в ответ на просьбу просто махнул рукой, каковой «знак» я сочла согласием), и, слегка ободренная случившимся с Люськой анекдотом, я вышла на крыльцо и дождалась Антона, который подъехал за мной на своем верном «Фольксвагене».

Совсем скоро я уже сидела рядом с Антошкой – мы тронулись с места и скрылись за углом, оставив моих коллег теряться в догадках о том, какую цель имеет предпринятое мной путешествие.

– Мы все-таки в морг или еще куда? – спросила я со слабой надеждой.

– Все-таки в морг.

* * *

– Может, заедем пообедать?

Задавая мне этот вопрос, Тошка, я уверена, не хотел сказать ничего плохого, но я все равно подпрыгнула от обиды.

– Нет!!! – заорала я злобно, стараясь отогнать от себя враз представшую перед глазами картину в деревенском стиле: тарелка борща с добрым шматом сала, плошка сметаны и огромный кус ржаного хлеба. – Я на диете!!!

– А-а-а, – разочарованно протянул приятель. Спустя минуту он пробормотал как бы про себя: – Чего только не творят с собой люди! Бывает, сядет человек на диету, а встать уже не может...

Я надулась.

– Ладно, не злись. Уж где-где, а в морге тебе сразу есть расхочется.

Да... Я понимала, что это глупо, что ни на каких умерших в данном случае мне смотреть не нужно – но все равно боялась. Когда Антоха затормозил у ничем не приметного здания из красного кирпича, расположенного неподалеку от Медакадемии и кардиоцентра, ему пришлось долго уговаривать меня выйти из машины – я сидела, зажмурившись и прикрыв ладонями уши, и мне казалось, что запах формалина доносится до меня даже сюда.

На самом же деле внутри помещения, куда я зашла на подкашивающихся ногах, упомянутый запах ощущался лишь слегка – и то для особых любителей приниматьсья. Длинные полутемные коридоры с потрескавшимся от тяжелых колес каталок кафельным полом были пустынные, но, к моему удивлению, отнюдь не пугающи. Более того, с обратной стороны входной двери какой-то весельчак изобразил красным фломастером следующую надпись:

«Выход в суетный мир».

И – ниже:

«Не торопись, подумай!»

Я наотрез отказалась заглядывать за редкие двери по обеим сторонам коридора в поисках старшего патологоанатома и, пока Антошка выполнял эту задачу, осталась стоять возле какого-то одиноко прислоненного к стене стола из нержавеющей стали с ободранными ножками.

Прошла минута, другая – Антошка пропал без вести, и, сделав несколько глубоких вздохов, я все-таки двинулась вперед, пугаясь гулкого эха собственных шагов. Свернула за угол – из-за одной двери доносились молодые голоса, они чему-то там смеялись, – решила и потянула на себя створку. В небольшой комнатке с яркими лампами под потолком находились двое.

Парочка была действительно нестарой – он мыл руки у умывальника и рассказывал бородастый анекдот, она курила, на столе валялось несколько тюбиков тонального крема, круглая коробочка не самой дешевой пудры, кисточки, аппликаторы, помада – почти тот же набор, что и у меня, да и названия производителей знакомы.

– Простите, – я перевела дыхание, – простите, вы не подскажете, как мне найти старшего патологоанатома?

– Павла Леонтьича? – Женщина повернула ко мне круглое лицо с убранными под врачебную шапочку волосами. – Это по коридору направо, вторая дверь за поворотом.

У нее были очень красивые светлые глаза с как будто подкрашенными, но на самом деле просто очень черными и густыми ресницами.

– Спасибо, – я сделала было шаг назад, но тут в конце коридора послышался нарастающий стрекот колес, и краем глаза я увидела, как человек в белом халате катит мне навстречу нечто, покрытое сверху простыней. Я ойкнула и сама не поняла, как оказалась в кабинете.

– Да вы не бойтесь, – добродушно усмехнулся мне молодой человек, закрывая кран и с треском сдирая с рук резиновые перчатки. – Первый раз? Да? Не бойтесь, я сейчас вас провожу.

– А можно... мне... воды? – слабо спросила я, увидев краем глаза, как женщина загасила сигарету, отвинтила у бутылки с минералкой пробку и попридержала ее, выпуская газ.

– Пожалуйста...

Я взяла протянутую мне чашку с лопающимися на поверхности воды пузырьками и сделала несколько судорожных глотков.

– Может, бутербродик? – радушно предложила женщина. Сама она уже подносила к губам тонкий кусок белого хлеба с уложенным сверху кружочком колбасы.

Я содрогнулась и, ища, куда бы присесть на минутку, примостилась на табурете возле стола, на котором, наверное, хранились какие-то медицинские приборы – какое-то неровное возвышение было аккуратно прикрыто марлей.

– Осторожно! – предупредил молодой человек, но было поздно: я неловко подняла руку, чтобы утереть со лба холодный пот, и нечаянно зацепила рукавом легкую ткань; она с готовностью поползла за моей рукой, и в нескольких сантиметрах от себя я увидела бледное лицо.

Это был мужчина лет пятидесяти, он лежал на том самом столе, покрытый марлей, и уже при всем желании никак не мог реагировать на мое присутствие.

К чести для себя, я не завизжала и не упала в обморок. Только остороженько так поднялась со своего места и тихо-тихо отошла к противоположной стене.

– Приятно посмотреть, правда? – тоном художника, только что закончившего работу над сложнейшим полотном, спросил меня молодой человек.

Он приблизился к покойному и еще больше приспустил с него марлю, демонстрируя мне хорошую работу:

– Вот. Двенадцать ударов топором по голове! А ведь теперь ни за что не скажешь. Три часа мы с ним возились. Сначала череп восстанавливали, буквально по фрагментам. Потом Люда, – парень кивнул на невозмутимо жующую напарницу, – сняла так аккуратненько кожу с других участков, обшила ею лицо покойного, ну, затем эти кусочки надо было соединить между собой. Ну, дальше ясно: грим, побольше пудры – и вот, теперь хоть на выставку!

Я внимательно посмотрела на молодого человека: нет, он не бравировал, парень действительно гордился своей работой. Что ж, у каждого своя гордость за профессию...

– Я... а... вы проводите меня, пожалуйста!

– Да-да, пойдете.

Он осторожно накинул на лицо покойного белую материю и, не оглядываясь, быстро пошел впереди меня к выходу.

Я поспешила за ним, с удивлением ощущая, что страх начинает меня покидать. Беспокойно другое: куда исчез Антошка?

Очень скоро мы остановились у двери, выглядевшей посolidнее других. *«Неунывайко П.Л., старший патологоанатом»*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.